

Нѣсколько словъ о восточныхъ сосѣдяхъ Туркестанскаго генераль-губернаторства:

ТУНГАНАХЪ, ТАРАНЧАХЪ И ДРУГИХЪ.

Благодаря статьямъ, появляющимся по временамъ въ нашихъ журналахъ и газетахъ, читающая публика отчасти знакома съ народностями, обитающими на западъ отъ восточныхъ предѣловъ нашего Туркестанскаго края. Нельзя того же сказать на счетъ нашихъ восточныхъ сосѣдей—тунганъ и таранчей и южныхъ кашгарцевъ. Изъ всѣхъ перечисленныхъ народностей, только кашгарцы обратили на себя вниманіе нашей прессы. Про тунганъ также было заговорили года четыре тому назадъ, по случаю ихъ возстанія въ западномъ Китаѣ, но затѣмъ забыли о нихъ, не выяснивъ: кто такіе эти тунгане и чего они хотѣли. Для Европы эти вопросы, конечно, потеряли занимательность, съ удаленіемъ возстанія отъ чайныхъ плантацій и торговыхъ факторій; но для русской читающей публики, народность, уничтожившая Чугучакъ и Бульджу, прекратившая прямые сношенія Китая съ среднею Азіею и передавшая китае-средне-азиатскую торговлю въ руки англичанъ,—для русской публики такая народность, намъ кажется, должна быть интересна.

Убѣжденіе это побудило насъ подѣлиться съ читателями тѣми немногими свѣдѣніями, которыя намъ удалось собрать въ Семирѣченской области, благодаря обязанности нашихъ сослуживцевъ, болѣе знакомыхъ съ дѣломъ, и посредствомъ личнаго опроса туземцевъ.

Начнемъ съ «тунганъ» или «дунгень», какъ ихъ называла наша пресса (*). Еще при первоначальномъ появленіи ислама въ Средней Азіи, китайское правительство, обеспокоенное быстрыми успѣхами ученія Магомета, приняло различныя

(*) Г. Григорьевъ, въ своей книгѣ «Восточный или Китайскій Туркестанъ» называетъ ихъ тунганами (см. стр. 109 и 205). Генераль Гейнсъ, въ статьѣ, помѣщенной въ «Военномъ Сборникѣ» за 1866 годъ, называетъ ихъ дунгенями.

мѣры для обезсиленія народонаселенія, зараженнаго имъ.

Одною изъ означенныхъ мѣръ было выселеніе части жителей Туркестана внутрь Китая, именно въ провинцію Гань-су, на югъ отъ западной оконечности Великой стѣны. Такъ какъ въ остальные провинціи Китая переселенцы впослѣдствіи стали проникать изъ провинціи Гань-су, то китайцы ихъ и прозвали «тун-гань-су», т.-е. «тѣже, что въ Гань-су».

Профессоръ Григорьевъ и генералъ Гейнсъ производятъ названіе тунганъ отъ тюркского слова *оставшіеся*, и объясняютъ эту кличку тѣмъ, что тунгане потомки тюрковъ, оставшихся въ западномъ Китаѣ послѣ походовъ въ эту страну Александра Македонскаго или Тамерлана. Намъ кажется, что объясненіе, записанное нами со словъ бывшаго консула въ Кульджѣ, г. Павлинова, и подтвержденное китайцами, бывшими въ Вѣрномъ, болѣе вѣроятно, по слѣдующимъ причинамъ: 1) историки и преданія равно молчатъ о походѣ Александра Македонскаго за Сырь; 2) не одни тунгане, а всѣ сарты считаютъ себя пришельцами въ занимаемой ими части Китая (**); 3) если предположить, что тунгане находятся въ Китаѣ со временъ Александра Македонскаго, т. е. за тысячу лѣтъ до возможнаго появленія ученія Магомета въ Китаѣ, то положительно становится непонятнымъ обращеніе ихъ въ эту религію. Грустные результаты, достигнутые миссіонерами всѣхъ возможныхъ христіанскихъ толковъ, работавшихъ въ продолженіе девяти вѣковъ, ясно показываютъ до чего безвѣріе укоренено въ Китаѣ. Достаточно прочесть Гюка, или познакомиться съ возстаніемъ тайпинговъ, или наконецъ посмотрѣть на китайцевъ разныхъ народностей, бѣжавшихъ во время послѣдняго возстанія въ Семирѣченскую область, чтобы убѣдиться въ томъ, что въ Китаѣ можно на-считать много *крещеныхъ*, но что *христіанъ* между ними нѣтъ. Гюкъ и другіе добросовѣстные миссіонеры жалуются на то, что болѣею частію китайцы крестятся изъ корыстныхъ видовъ; тайпинги называли себя христіанами, чтобы привлечь на свою сторону европейцевъ, и кончили тѣмъ, что глава ихъ объявилъ себя Христомъ, къ великому соблазну миссіонеровъ, сопровождавшихъ его и до тѣхъ поръ увѣрявшихъ, что дѣло тайпинговъ—дѣло Божіе. Наконецъ, наши семирѣченскіе переселенцы — калмыки, поголовно просятъ, чтобы ихъ крестили одновременно съ принятіемъ въ подданство,

(**) Въ Ташкентѣ, одинъ изъ ученыхъ муллъ намъ сообщилъ, что: «русскіе называютъ насъ *сартами*, т. е. *торгошами*, подражая въ этомъ киргизамъ, которые насъ прозвали такъ, потому что мы болѣею частію занимаемся торговлею, которую киргизы презираютъ. Въ сущности же мы *таджики*, потомки персіанъ, выселенныхъ въ Самаркандъ и окрестныя страны Александромъ Великимъ и смѣшавшихся съ окружающими ихъ узбеками и кипчаками». Любопытно то, что сами сарты или таджики признаютъ себя среднимъ сословіемъ; на узбековъ смотрятъ какъ на высшее сословіе — бѣлую кость, киргизовъ же считаютъ черною костью.

Прим. автора.

потому что убѣждены, что, крестясь, пріобрѣтутъ всѣ права русскаго гражданина. Можно достовѣрно положить, что тунгане явились въ Китай уже магометанами, ибо иначе, проведя 1,000 лѣтъ въ средѣ и подъ вліяніемъ практическихъ китайцевъ, они не были бы способны принять исламъ, воодушевиться его жгучимъ ученіемъ. 4) Наконецъ, вариантъ, представляющій тунганъ оставшимися войнами Тамерлана, легко объяснить тѣмъ, что генералъ Гейнсъ слышалъ его отъ сартовъ, все приписывающихъ этому великому завоевателю. Тамерланъ до того наполнилъ своими дѣяніями и величіемъ Среднюю Азію, что ему приписываютъ все, что было замѣчательнаго и до, и послѣ него, въ чемъ не трудно убѣдиться, побывавъ въ Средней Азіи. Во всякомъ случаѣ, послѣднее предположеніе намъ кажется правдоподобнѣе предъидущаго....

Живя въ продолженіе цѣлаго тысячелѣтія (считая съ появленія магометанства въ Средней Азіи) среди болѣе образованнаго китайскаго народа, тунгане постепенно теряли отличительныя черты своей тюркской національности, приняли китайскіе нравы, обычаи, одежду и, въ то же время, пріобрѣли почти всѣ права кореннаго населенія. Такое перерожденіе было тѣмъ возможнѣе, что переселенцевъ отдѣляло отъ родины большое пространство, населенное калмыками и монголами, и что китайское правительство приняло самыя дѣйствительныя мѣры для окитаенія переселенцевъ. Воспользовавшись тѣмъ, что между переселенцами было несоразмѣрно больше мужчинъ, чѣмъ женщинъ, китайское правительство стало поощрять тунганъ брать въ жены китайскихъ дѣвушекъ, строго запретивъ китайцамъ брать въ свои семьи тунганокъ. Такимъ образомъ, китайской женщинѣ было поручено вліять на пришельцевъ, вносить въ ихъ семьи китайскія начала, китайскій строй. Съ другой стороны, тунганка въ китайской семьѣ, по китайскимъ понятіямъ, была бы явленіемъ чуть ли не противоестественнымъ. Для объясненія сказаннаго, должно припомнить, что китайскій народъ, какъ извѣстно, самый древній изъ сохранившихся до-историческихъ народностей: китаецъ гордится древностію своего рода, тысячелѣтіями своей цивилизаціи и потому крайне брюзгливъ ко всему чужеземному, по его мнѣнію менѣе совершенному. Съ малыхъ лѣтъ онъ привыкаетъ отдавать божескій почетъ своимъ предкамъ, а въ себѣ видитъ потомка этихъ полубоговъ. — При существованіи такихъ понятій, никакія мѣры не могли слить съ собственно китайцами, ни тунганъ, ни монголовъ, манджуровъ или калмыковъ, принимавшихъ въ большей или меньшей мѣрѣ китайскій обычай и образованность. Скажемъ больше: принимая отъ китайцевъ ихъ образованность, каждая изъ названныхъ народностей пропитывалась ею исключительностію. Китаецъ непрерывно толковалъ имъ, что они не принадлежатъ къ

100 кореннымъ китайскимъ семействамъ, и каждая народность помнить свой корень, свое происхожденіе и не сливается съ остальными. То же мы замѣчаемъ по отношенію къ религіи: китаецъ въ сущности не имѣетъ религіи; религіозныя его убѣжденія ограничиваются уваженіемъ къ предкамъ и родителямъ, «и въ этомъ онъ практиченъ, восклицаетъ одинъ изъ нашихъ знакомыхъ, онъ этимъ обезпечиваетъ свою безпомощную старость. Если я не буду уважать своихъ родителей, разсуждаетъ китаецъ, то и дѣти мои послѣдуютъ моему примѣру и оставятъ меня безъ риса, когда я не буду въ состояніи добывать его своими руками». Но китаецъ не навязываетъ своихъ религіозныхъ убѣжденій другимъ, и калмыкъ остается буддистомъ, тунганинъ—магометаниномъ, но оба, незамѣтно, теряютъ религіозный пылъ.

Подъ вліяніемъ вышесказаннаго, сложились тѣ натянутыя, отчетливыя, въ смыслѣ законности, но ничѣмъ несогрѣтыя отношенія, которыя мы встрѣчаемъ между китайцами и остальными народностями, составляющими манджурскую монархію: монголь презираетъ вѣчно трудящагося китайца, зоветъ его *китатъ*, т. е. рабъ (*); китаецъ, съ своей стороны, хотя очень осторожно, замѣчаетъ, что въ сущности монголь, манджуръ и калмыкъ служатъ китайцу, между тѣмъ какъ послѣдній занятъ исключительно своими дѣлами и платитъ остальнымъ народностямъ за то, что тѣ его защищаютъ отъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ.—Замѣчательно, что среднеазіятцы убѣждены, что китайцы не потомки Адама и вовсе не люди, а подобіе людей, созданное до перваго человѣка.

Тунгане конечно не раздѣляютъ убѣжденій своихъ родителей, иначе нельзя было бы понять ихъ частые браки съ китайцами. Напротивъ того, роднясь съ китайцами, они сами стали пренебрегать старыми связями и, какъ ниже увидимъ, не отдаютъ своихъ дочерей сартамъ.

Съ своей стороны, китайцы какъ бы усыновили тунганъ и называютъ ихъ, на офиціальномъ языкѣ *ханъ-хой-ци*, т. е. *китайцы-тюрки*, въ отлічіе отъ остальныхъ своихъ тюркскихъ данниковъ, подданныхъ или сосѣдей, которыхъ они зовутъ *хой-хой-ци*, т. е. *тюркскіе тюрки*.

Въ правахъ тунгане сравнены съ китайцами, но не имѣютъ права занимать высшихъ должностей гражданскихъ и военныхъ, исключительно предоставленнымъ манджурамъ и китайцамъ.

Въ рядахъ войскъ, тунгане отдѣльныхъ частей не соста-

(*) Такъ какъ русскіе впервые познакомились съ китайцами во время монгольскаго нашествія и впослѣдствіи возобновили это знакомство чрезъ монголовъ же, то очень можетъ быть, что русское слово Китай произошло именно отъ *китатъ* или *китатъ-ци*—рабъ. Сами китайцы зовутъ себя *ханъ*.

вляють, а служатъ въ перемежку съ китайцами и причислены къ зеленому знамени. Зеленый цвѣтъ выбранъ для китаитунганскихъ частей войскъ не потому, что онъ на югѣ Азіи считается цвѣтомъ Магомета: въ восточной и средней Азіи мусульманскимъ цвѣтомъ признанъ бѣлый цвѣтъ. Для китайца бѣлый цвѣтъ—траурный, цвѣтъ смерти (*). До водворенія манджурской династіи, китайское знамя было желтое, затѣмъ манджуры присвоили себѣ этотъ цвѣтъ, а китайцамъ дали зеленое знамя—цвѣтъ присвоенный женщинамъ, намекая этимъ на трусость китайцевъ, на неспособность ихъ къ военному дѣлу. Не знаемъ, гдѣ генералъ Гейнсъ почерпнулъ свѣдѣнія о храбрости китаитунганскаго зеленого знамени; что касается до насъ, то намъ приходилось слышать похвальные отзывы только о конницѣ китайской, составленной исключительно изъ монголовъ и ихъ родичей калмыковъ. Первые отличились во время нашествія англо-французовъ на Китай, а вторые во всей Средней Азіи славятся какъ лучшіе наѣзники.

Въ такихъ условіяхъ жили тунганы до шестидесятихъ годовъ нашего столѣтія, когда вѣроятность распаденія манджурской монархіи, поколебленной «европейскими варварами» и тайпингами, подала тунганамъ мысль составить отдѣльное, самостоятельное государство, независимое отъ манджуровъ и тайпинговъ, коренныхъ китайцевъ. Въ 1000 лѣтъ своего пребыванія въ Китаѣ тунганы разрослись въ 30-ти милліонный народъ и изъ провинціи Гань-су—первоначальнаго мѣста поселенія, разошлись по среднимъ провинціямъ, а затѣмъ по всему Китаю.

Не станемъ рассказывать о ходѣ возстанія тунганъ въ собственномъ Китаѣ. Скажемъ только, что изворотливое манджурское правительство, покончивъ дѣло съ европейцами и тайпингами, повело переговоры съ тунганами, дало имъ разныя права и преимущества, которыхъ они домогались, и возмущеніе тунганъ въ собственномъ Китаѣ, въ провинціи Гань-су и сосѣднихъ съ нею — прекратилось.

Не таково положеніе дѣлъ въ сопредѣльных намъ китайскихъ провинціяхъ, гдѣ правительственный элементъ слабѣе чѣмъ въ центрѣ, а возставшіе встрѣтили поддержку со стороны киргизъ и таранчей.

Нужно замѣтить, что до половины прошлаго столѣтія, дзюнгары-калмыки, аборигены илійской и сосѣднихъ странъ, пользовались полнымъ самоуправленіемъ, наравнѣ съ монголами ихъ родичами и что китайское правительство не имѣло своихъ представителей между ними; не было здѣсь также китайскаго осѣдлаго населенія. Въ половинѣ прошлаго

(*) Вотъ почему китайскіе эмигранты, въ письмахъ своихъ, зовутъ нашего государя «желтымъ царемъ», а не бѣлымъ, какъ ташкентцы.

столѣтія, постоянныя усобицы калмыковъ, препятствовавшія правильному ходу средне-азіатской торговли китайцевъ, заставили пекинское правительство вмѣшаться въ дѣла ихъ и покорить окончательно доселѣ вассальную калмыцкую народность. Покореніе это кончилось въ 1758 году избіеніемъ болѣе милліона калмыковъ. Тогда же, для предупрежденія на будущее время возможности возстанія и для поддержанія своей власти, манджурское правительство вызвало изъ Дауріи 16 суммуновъ (знаменъ, баталіоновъ) Солоновъ и Сибо, родственниковъ и вполнѣ преданныхъ правительству, и поселило ихъ въ различныхъ мѣстахъ калмыцкихъ кочевокъ (**). Наконецъ въ то же время (въ 1764 году) было основано илійское генераль-губернаторство и заложенъ городъ Или (Кульджа), называемый также *хой-юань-дженъ*. Въ этомъ городѣ поселился новый генераль-губернаторъ, которому, кромѣ илійской провинціи, подчинены сосѣдственныя страны—Тарбагатай и китайскій Туркестанъ, извѣстный у насъ подъ именемъ Кашгаріи. Въ числѣ китайскихъ гражданъ, поселившихся въ Илійской провинціи, были и тунгане, явившіеся сюда, какъ и остальные китайцы, по торговымъ дѣламъ. По всему пути, отъ Гуй-фу-отджена (Гунъ-чанъ-фу) къ Кульджѣ, потянулись китайскія деревушки и городки, появились купеческія конторы, развилось хлѣбопашество и другіе спутники осѣдой жизни. Кульджа стала передовымъ пунктомъ на сѣверномъ торговомъ пути Китая въ Среднюю Азію, а Урумци, находясь на перепутьи сѣвернаго и южнаго Тяньшанскихъ путей, остался главнымъ для обоихъ означенныхъ путей (Передовымъ пунктомъ на южномъ пути былъ Яркендъ).

Не лишнее здѣсь замѣтить, что въ противоположность европейскому торговому люду, китайцы никогда не наводняютъ рынка своими товарами. Масса товаровъ оставляется ими вдали отъ покупателя, который на рынокъ можетъ ознакомиться только съ образцами. Такимъ образомъ, товары, предназначенные для Средней Азіи (и для Россіи), хранились въ городахъ Хами, Баркюль и Урумци; образцы же, и небольшія партіи для розничной торговли, направлялись въ Кульджу, Чугучакъ, Аксу, Яркендъ и далѣе (***).

По имѣющимся свѣдѣніямъ, въ Урумци насчитывалось до 200,000 тунганъ. Въ Кульджѣ ихъ было гораздо менѣе. Тунгане селились здѣсь не только для торговыхъ цѣлей, но и какъ чиновники. Говорятъ, что почти весь таможенный штатъ состоялъ изъ тунганъ; они же содержали гостиницы,

(**) Каждый манджуръ и дауръ числится въ китайской пѣхотѣ, такъ же какъ монголы и калмыки поголовно числятся въ небесной кавалеріи.

Прим. автора.

(***) Говорятъ, что въ послѣднее время, слѣдуя примѣру европейцевъ и американцевъ, китайцы перемѣнили свою торговую тактику. Вѣроятно, вслѣдъ за посольствомъ, объѣзжающимъ европейскія государства, явятся китайскіе консулы и купцы съ ихъ товарами.

Прим. автора.

— ~~харчевни~~ и занимались мелочною мѣстною распродажею китайскихъ произведеній.

Для того, чтобы окончить этнографическій очеркъ Илійской провинціи, необходимо сказать нѣсколько словъ о *таранчахъ*, игравшихъ немаловажную роль въ кульджинской драмѣ.

Въ 1829 году, возстаніе ~~х~~ходжей въ Кашгарѣ побудило пекинское правительство, подавивъ мятежъ, выселить въ окрестности Кульджи нѣсколько тысячъ кашгарцевъ (отъ 8 до 12 тысячъ), приговоренныхъ къ ссылкѣ въ каторжную работу. Эти-то каторжники, подъ названіемъ *таранчей*, т. е. *людей кроваваго пота*, обрабатывали поля для китайскихъ войскъ и занимались разною черною работою.

Что касается до киргизъ, кочующихъ въ нашихъ и сосѣднихъ степяхъ, то они достаточно извѣстны, а потому, не останавливаясь на нихъ, перейдемъ къ очерку возстанія тунганъ въ Илійской провинціи и къ настоящему положенію дѣлъ.

Вѣсть о возстаніи хань-хойцевъ или тунганъ въ провинціи Гань-су не сразу подняла илійцевъ, и вѣроятно, не нашла бы сочувствія въ массѣ здѣшняго населенія, дѣятельно занятого торговыми оборотами, если бы постороннія обстоятельства не возбудили надеждъ тунганъ и таранчей и не вызвали ихъ къ дѣйствию. Вотъ перечень этихъ постороннихъ побудительныхъ обстоятельствъ: непріязненные дѣйствія коканцевъ и бухарцевъ противъ сосѣдственныхъ русскихъ владѣній; вынужденное движеніе впередъ русскихъ войскъ и военныя дѣйствія на всемъ протяженіи отъ Кульджи до Ташкента, т. е. на сѣверномъ торговомъ пути изъ Китая въ Среднюю Азію; застой въ торговомъ дѣлѣ вслѣдствіе военныхъ дѣйствій; бѣгство многихъ бухарцевъ и коканцевъ въ Кашгаръ; усиленіе въ немъ сартскаго, фанатическаго элемента; возстаніе и отложеніе Кашгара отъ Китая и слѣдовательно закрытіе южнаго торговаго пути. Застой въ торговыхъ дѣлахъ и связанная съ нимъ бездѣятельность, безнаказанное отдѣленіе Кашгара, наконецъ преувеличенныя извѣстія объ успѣхахъ тунганъ въ Гань-су, все это побудило урумційскихъ тунганъ возстать съ надеждою на успѣхъ. Илійскихъ родичей таранчей легко было подговорить освободиться изъ каторги. Сосѣднихъ киргизъ, всегда готовыхъ грабить, также не трудно было склонить на свою сторону, обѣщая богатую добычу отъ грабежа китайскихъ магазиновъ.

Слѣдствіемъ всего вышесказаннаго было почти повсемѣстное истребленіе китайцевъ и манджуровъ, окончательное уничтоженіе Чугучука, разграбленіе Урумци, Манасы, Хуркара-Усу и другихъ мелкихъ городовъ и селеній, и обложеніе Кульджи.

Видя невозможность отстоять Кульджу отъ инсургентовъ, илійскій генералъ-губернаторъ, Дзянь-уэюнъ, 23-го февраля 1866 года, взорвался со всеми своими приближенными и семействами ихъ. Осѣдлое населеніе, ускользнувшее отъ

убійць, большею частію бѣжало въ наши предѣлы; остальные признали себя подданными инсургентовъ и обращены въ рабство. Калмыки, оставшіеся вѣрными своему правительству, откочевали въ глубь степи и частію къ намъ. Такъ кончилась кровавая драма, отдѣлившая нашихъ бывшихъ сосѣдей—китайцевъ, болѣе чѣмъ на 1000 верстъ отъ нашей Семирѣченской области, уничтожившая торговлю китайцевъ въ Средней Азіи и передавшая ее въ руки англичанъ.

Послѣ грабежа слѣдуетъ дѣлежъ между сообщниками, а дѣлежъ не обходится безъ недоразумѣній: тунганы, гордые своею китайскою образованностію, заявили свои права на завоеванныя страны; грубые таранчи, освободившись изъ подъ китайской неволи, не пожелали отдаться въ кабалу тунганамъ и, пользуясь тѣмъ, что въ Кульджѣ ихъ немного, частью вырѣзали, частью прогнали ихъ за предѣлы бассейна р. Или (перевалъ Талки). Киргизы, награбившись вдоволь и боясь, чтобы союзники не ограбили и ихъ, укочевали въ степи, откуда часть ихъ, преслѣдуемая калмыками, спаслась въ предѣлы Западной Сибири.

Такимъ образомъ, бывшее илійское генераль-губернаторство распалось на слѣдующія части: 1) города на югъ отъ Тяньшанскихъ горъ признали владычество кашгарскаго Якубъ-бека, на дружбу котораго такъ рассчитываютъ англичане; 2) города Урумци, Манасы и окрестности по обѣ стороны Тяньшанскаго хребта остались за тунганами, которые, по послѣднимъ извѣстіямъ, разсорились между собою и раздѣлились на нѣсколько враждебныхъ становъ; 3) Чугучакскій край (Тарбагатай) остался за калмыками; 4) Кульджа съ окружающими ее городками и селеніями досталась каторжникамъ-таранчамъ, ставшимъ такимъ образомъ нашими ближайшими сосѣдями; 5) наконецъ городъ Журъ-караусу съ окрестностями, совершенно покинутый жителями, и лежащій между Чугучакомъ, Манасомъ и Кульджею, составляетъ нейтральную почву, предоставленную гниющимъ трунамъ и звѣрямъ.

Посмотримъ теперь, что рассказываютъ очевидцы про житье-бытье таранчей и тунганъ.

Не смотря на то, что Кульджа всего въ 120-ти верстахъ отъ нашей границы, вполнѣ достовѣрныхъ извѣстій о томъ, что въ ней творится, у насъ не имѣется. Русскіе караваны туда не допускаются, а сарты, какъ родичи, сначала сильно покровительствовали таранчамъ и много рассказывали о благоустройствѣ этого случайно рожденнаго государства. Свидѣтельству сартовъ вѣрить нельзя, исключая тѣхъ случаевъ, когда ихъ рассказы подтверждаются свѣдѣніями, доставляемыми киргизами, татарами и пограничными калмыками. — Такимъ образомъ, можно признать за положительно вѣрное извѣстіе, что настоящій султанъ таранчей большой любитель музыки и что, въ часъ его обѣда, на сосѣдней долигѣ му-

зыканты неусыпно трубятъ, звонятъ и стучать во всевозможную утварь, для внящей славы своего повелителя. — Достоверно также и то, что, разсорившись съ тунганами, таранчи стали опасаться своего одиночества и нѣсколько разъ отправляли посольства съ подарками къ сосѣду Якубъ-беку кашгарскому. Якубъ-бекъ, какъ добрый сосѣдъ и отчасти соотечественникъ, конечно, не прочь былъ бы помочь кульджинскимъ таранчамъ и взять ихъ подъ свое покровительство, «потому что въ Кульджѣ много безпорядковъ», говорилъ онъ г. Хлудову; но положиться на своихъ воеводъ онъ, кажется, не можетъ, а самому удалиться отъ своей резиденціи Кашгара на 1,085 верстъ да при томъ чрезъ Музартскій перевалъ, вблизи русскихъ пикетовъ, ему кажется неудобнымъ. Достоверно наконецъ то, что часть укочевавшихъ калмыковъ, изъ-за Юлдузскихъ горъ вернулась въ окрестности Кульджи, для обработки своихъ полей, и повела дружественные переговоры съ таранчами. По рассказамъ татарина-очевидца, вернувшимся калмыками управляетъ пожилая женщина, которая находилась въ Кульджѣ. «Косы ея до того были тяжелы отъ вплетенныхъ золотыхъ монетъ и другихъ драгоценностей, говорилъ татаринъ, что два человѣка поддерживали ихъ, при слѣдованіи повелительницы калмыковъ, на аудіенцію къ султану таранчей».

Управляетъ эта почтенная дама калмыцкими наѣздниками, за отсутствіемъ сына, 14-ти-лѣтняго мальчика, отправленнаго ею въ Пекинъ, вѣроятно для засвидѣтельствованія «сыну неба», великому цину (китайскому императору тожъ), вѣрно-подданническихъ чувствъ калмыковъ, переговаривающимся въ тоже время съ инсургентами. Какъ бы то ни было, но появленіе 17 сумуновъ калмыковъ, хотя бы съ мирными намереніями, сильно озабочиваетъ нашихъ дорогихъ сосѣдей, потому что, при малѣйшей помощи со стороны Китая, калмыки непременно пойдутъ противъ таранчей.

Вотъ все, что мы знаемъ пока о таранчахъ, которыхъ въ Кульджѣ и окрестностяхъ насчитываютъ до 12,000. — Въ послѣднее время наши сарты и татары рѣдко стали ѣздить къ таранчамъ, сильно обѣднѣвшимъ и потому требующимъ «слишкомъ широкаго кредита», другими словами обирающимъ купцовъ безъ суда и расправы.

Обратимся къ урумційскимъ тунганамъ.

Покончивъ дѣло на сѣверъ отъ Тяньшана, тунгане обратились на югъ отъ этого хребта. Задумавъ подчинить себѣ Китайскій Туркестанъ, они, съ помощію мѣстныхъ тунганей, вырѣзали гарнизоны Турфана, Кучи, Аксу и нѣсколькихъ другихъ городовъ и, быть можетъ, пошли бы и далѣе, если бы не встрѣтили соперника въ Якубъ-бекѣ, завладѣвшимъ въ то время Кашгаромъ и окружающими его городами. Якубъ-бекъ, укрѣпившись въ Кашгарѣ, двинулъ свои полчища къ Тяньшану и постепенно занялъ всѣ города, покоренные тун-

ганами до Каратара. Часть тунганъ имъ перерѣзана, остальные признали его своимъ властителемъ. «Если бы русскій царь позволилъ, мечталъ Якубъ - бекъ, разговаривая съ г. Хлудовымъ, то я бы весь Китай завоевалъ!»

Такимъ образомъ, за тунганами остались Урумци, Турфанъ, Манасы и нѣсколько мелкихъ городовъ и селеній.

Весною, прошлаго 1868 года, вернулся изъ Урумци вѣрненскій татаринъ Селимъ, отправившійся туда лѣтомъ 1867 года съ ситцами и другими товарами, и впродолженіе пяти мѣсяцевъ задержанный тунганами. Вотъ что видно изъ распросовъ означеннаго татарина: правителемъ у тунганъ старикъ мулла, пользовавшійся большимъ почетомъ и во времена китайцевъ. Имени его Селимъ не знаетъ, но слышалъ, что въ разговорахъ между собою тунгане зовутъ его *Ларинжи* или *хазретомъ*, т. е. святымъ. Никакого управленія не установлено тунганами по избіеніи китайцевъ и означенный мулла править безъ всякихъ посредствующихъ органовъ, силою страха. По наивному разсказу Селима, народъ вѣрить въ силу благословенія или проклятія муллы и потому повинуется ему. По городу мулла разѣзжаетъ въ двухколесной закрытой телѣгѣ, окруженный тѣлохранителями.

Сами тунганы насчитываютъ въ Урумцахъ отъ 25 до 30 тысячъ своихъ, способныхъ носить оружіе.

Тунгане одѣваются въ китайское платье, что можно было бы объяснить тѣмъ, что оно имъ досталось готовымъ во время грабежа китайцевъ. Но при этомъ они сохранили косу и по прежнему *брютъ бороду*, что даетъ совершенно другой видъ дѣлу. Обращаемъ вниманіе на этотъ фактъ, потому что многіе, чтобы доказать фанатизмъ тунганъ, говорили и печатали, что тунгане, возставъ, приняли общій мусульманскій нарядъ, обрили косу и навязали чалму. По свидѣтельству Селима и другихъ татаръ, въ г. Урумци такъ мало людей носящихъ чалму и халатъ, что дѣти съ любопытствомъ разсматривали ихъ, когда они ходили по улицамъ. Тотъ же татаринъ говоритъ, что нѣкоторые изъ стариковъ-тунганъ, отправляясь въ мечеть, поверхъ обыкновеннаго платья накидываютъ халатъ и навязываютъ чалму, спрятавъ подъ нее косу.—Женщины-тунганки ходятъ въ полномъ китайскомъ облаченіи, съ цвѣтами на головахъ; ноги свои они уродуютъ на манеръ классическихъ китайскихъ ножекъ.

Такъ какъ Селимъ очень хвалилъ красоту тунганокъ, то мы спросили его не приобрѣлъ ли онъ тамъ себѣ жены; Селимъ отвѣчалъ, что тунгане не отдаютъ своихъ дочерей за сартовъ и татаръ. Считаемо этотъ отвѣтъ довольно знаменательнымъ: родниться съ китайцами слѣдовательно можно, а родство съ сартами магометанами для тунганъ предосудительно. По слухамъ, войска китайскія все еще въ окрестностяхъ Баркюля и Гутшена, т. е. тамъ же гдѣ они были лѣтъ пять тому назадъ. За Баркюлемъ, какъ кажется, все спокойно.

По крайней мѣрѣ, изъ словъ торговцевъ, бывавшихъ въ Урумци, оказывается, что за Урумцами есть еще большой городъ Саларъ, и что въ городѣ этомъ и окрестной странѣ живутъ тунганы. Саларъ, какъ извѣстно, есть одинъ изъ большихъ городовъ провинціи Гань-су и центръ тунганскаго населенія, по ту сторону Великой стѣны, въ собственномъ Китаѣ. Если дѣйствительно между Урумци и Саларомъ нѣтъ пунктовъ, занятыхъ инсургентами, то изъ этого можно заключить, что въ настоящее время тунганы массою держатся только въ Урумци, такъ какъ провинція Гань-су давно покорилась законному правительству; по сю же сторону, между Урумци и Бульджею, есть только два значительныхъ города: Хуръ-Кара-Усу, совершенно покинутый жителями послѣ разгрома, и Манасы, расположенный въ чрезвычайно плодородной равнинѣ. Здѣсь находятся поля, сады и огороды Урумційскихъ жителей, обрабатываемые китайцами и манджурами, обращенными въ рабство. Впереди Манасы выставленъ тунганами отрядъ, силою отъ 2 до 3 тысячъ человѣкъ, вѣроятно для обезпеченія пашень и садовъ отъ набѣговъ сосѣдей-калмыковъ и таранчей. Послѣдніе, съ своей стороны, для подобной же цѣли, содержатъ постоянный отрядъ у прохода Талки.

Городъ Урумци расположенъ въ безплодномъ каменистомъ ущеліи, важномъ какъ торговый узелъ, но совершенно негодномъ для обработки.

По словамъ Селима, пудъ хлѣба въ Урумци продавался въ его время по 3 р. с., баранъ 12 р. с. Такая дороговизна объясняется тѣмъ, что тунганы со всѣхъ сторонъ окружены непріязненными народностями и что подвоза нѣтъ. — Чаю еще много на базарѣ, такъ какъ склады китайцевъ въ Урумци были очень велики, а теперь нѣтъ средствъ его сбыть.

Всѣ расчеты производятся на чай, серебра же и золота на рынкѣ не видать. Каждый прячетъ металлы, на случай бѣгства, при появленіи китайскихъ войскъ. Этимъ же ожиданіемъ жители объясняютъ правовѣрнымъ, пріѣзжающимъ къ нимъ, почему они не сбриваютъ своихъ косъ, такъ какъ обритая коса и отпущенная борода почлись бы явнымъ признакомъ сочувствія къ возстанію или участія въ немъ. — У тунганъ, какъ видно, фанатизмъ чрезвычайно расчетливый, нетуманящій разума, словомъ — китайскій.

Даже поверхностное знакомство съ восточными сосѣдями Семирѣченской области невольно наводитъ на цѣлый рядъ вопросовъ, въ родѣ слѣдующихъ: выгодно ли такое сосѣдство для Россіи? могутъ ли здѣсь установиться правильныя торговыя сношенія? возможно ли продолжительное существованіе этихъ случайно-рожденныхъ государствъ? Почему Китай не озабочится вернуть потеряныя земли и возстановить утраченный прямой путь въ Среднюю Азію? и т. д.

По мѣрѣ силъ и въ надеждѣ на то, что очерки наши вызовутъ, хотя бы своими ошибками, болѣе дѣльныя статьи, постараемся въ послѣдующихъ очеркахъ разъяснить, въ общихъ чертахъ, перечисленные вопросы.

В. А. фонъ-Гойеръ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О НАШИХЪ ВОСТОЧНЫХЪ СОСѢДЯХЪ

Въ очеркѣ, помѣщенномъ въ № 98-мъ «Русскаго Инвалида», мы, между прочимъ, сказали, что знакомство съ сосѣдями Семирѣченской области невольно наводитъ на вопросы, въ родѣ слѣдующихъ: возможно ли продолжительное существованіе, случайно рожденныхъ, — тунганскаго, таранчинскаго и кашгарскаго государствъ? Почему Китай не озаботится возвратить потерянные земли и возстановить утраченный прямой путь въ Среднюю Азію, выгодно ли настоящее сосѣдство для Россіи и т. п., и обѣщали, по возможности, хотя въ общихъ чертахъ, разъяснить *суть* этихъ вопросовъ.

Бѣ сожалѣнію, у насъ нѣтъ подъ рукою статистическихъ цифръ — убѣдительнѣйшаго довода въ экономическихъ и политическихъ вопросахъ, а потому намъ придется ограничиться передачею личныхъ убѣжденій, сложившихся во время нашего пребыванія въ краѣ, излагая при этомъ факты, на основаніи которыхъ сложились эти убѣжденія.

При рѣшеніи перваго вопроса, для руководства можетъ служить слѣдующій фактъ: въ офиціальномъ, правительственномъ календарѣ, издаваемомъ въ Пекинѣ, значится, что возстаніе въ сѣверо-западныхъ владѣніяхъ Китая будетъ длиться восемь лѣтъ и нѣсколько мѣсяцевъ, числа которыхъ не припомню. Какъ ни дико покажется такое правительственное заявленіе для европейскаго уха, но китайцы ему вѣрятъ. Что касается до насъ, семирѣченцевъ, то мы не придавали значенія этому заявленію, потому что, еще въ 1864 году, когда только начались безпорядки въ Илійской провинціи, кульджинское начальство извѣщало насъ, что изъ собственнаго Китая идетъ сильное войско, что оно сосредоточивается за Баркюлемъ и Хами, и что въ скоромъ времени мятежъ будетъ подавленъ... Городъ за городомъ переходилъ во власть инсур-

гентовъ, тысячами ложились подъ ножами убійць манджуры и ихъ разноплеменные подданные, взорвался кульджинскій дзенъ-дзюнь, изъ уцѣлѣвшихъ жителей до 15,000 бѣжало въ наши предѣлы, до 9,000 обращено въ рабство побѣдителями (*), остальные бѣжали въ степи, — а китайское начальство по-прежнему повторяло, что рать Дайцина близко уже собирается у Баркюля и Хами, и что скоро мятежь будетъ подавленъ.

Наконецъ, въ исходѣ 1867 года, китайскіе чиновники получили указъ изъ Пекина о переселеніи въ Улясутай (сѣверо-западный уголъ Монголіи) всѣхъ подданныхъ Китайской имперіи, бѣжавшихъ въ наши предѣлы. Ясно стало, что календарь правдивѣе чиновниковъ, и что на скорое подавленіе мятежа рассчитывать нельзя. Захлопотали чиновники, собирая своихъ подчиненныхъ въ далекій путь; завопили эмигранты, потому что, съ уводомъ ихъ въ Улясутай и съ поселеніемъ тамъ, они теряли послѣднюю надежду когда либо увидѣть опять могилы своихъ отцовъ и вырвать ихъ изъ рукъ невѣрныхъ-магометанъ. Требованія властей діаметрально расходились съ требованіями религіи. Одинъ изъ чиновниковъ, полковникъ по чину, на отрѣзъ отказался увести своихъ подчиненныхъ: «Желтый царь, — писалъ онъ, — принявшій насъ и защитившій наши семейства отъ злодѣевъ, не прогонитъ насъ съ своей земли. Здѣсь, въ виду могилъ нашихъ предковъ, мы станемъ ждать прибытія великой рати и вмѣстѣ съ нею освободимъ нашу святыню или сложимъ головы тамъ, гдѣ предки ее сложили?» Съ своей стороны, временный главнокомандующій тамошнихъ китайскихъ полчищъ, Минъ—амбанъ Ко-це-бу, употреблялъ всѣ усилія, чтобы увести больше народа. «Ихъ непослушаніе мнѣ будетъ стоить головы», — говорилъ бѣдный старикъ, но на зовъ его явилось очень немного. Сборы длились цѣлый годъ.

Здѣсь мы позволимъ себѣ небольшое отступленіе, чтобы рассказать фактъ, до сихъ поръ неотмѣченный въ нашихъ газетахъ: извѣстіе о взятіи Самарканда пришло въ Вѣрное въ то самое время, когда амбанъ Ко-це-бу былъ тамъ. Узнавъ объ этомъ событіи, онъ, со всѣмъ своимъ штабомъ, явился къ нашему консулу и затѣмъ, вмѣстѣ съ нимъ, къ семирѣченскому губернатору, чтобы поздравить ихъ съ этимъ великимъ событіемъ: «Вы, урусы, пришельцы въ Средней Азіи, и потому не можете вполне оцѣнить сотвореннаго вами. Мы же, здѣшніе старожилы, вполне понимаемъ важность сдѣланнаго вами шага, значеніе его для Средней Азіи и для всего мусульманскаго міра.»

(*) Приведенныя цифры относятся до Кульджи и ея окрестностей. О городахъ, занятыхъ тунганами, свѣдѣній у насъ нѣтъ.

Лѣтомъ 1868 года, часть эмигрантовъ, рѣшившаяся отправиться въ далекій и трудный путь, въ страну невѣдомую для большей части изъ нихъ, собралась на назначенныхъ сборныхъ пунктахъ.

Предъ выступленіемъ въ походъ, губернаторъ Семирѣченскій и другія лица были приглашены въ походную молебню для присутствованія при богослуженіи за долголѣтіе Государя Императора. Затѣмъ, набожные калмыки-буддисты просили консула (**), чтобы имъ было позволено отслужить такой же молебенъ въ вѣрненской церкви. Вся толпа направилась въ нашъ храмъ, разставила свѣчи предъ всѣми образами, тщательно осматрѣвъ всѣ закоулки, чтобы не забыть и тѣмъ не обидѣть, какъ они говорили, ни одного изъ святыхъ. Къ чести эмигрантовъ нужно сказать, что службу они выстояли съ такимъ благоговѣніемъ, которое поразило бы каждаго петербургскаго жителя. По окончаніи молебна присутствующіе мужчины били земные поклоны предъ всѣми образами, а женщины и дѣти цѣловали ступеньки предъ Царскими вратами; многіе плакали. Такимъ образомъ разсталось Вѣрное съ частию этихъ трудолюбивыхъ и полезныхъ гостей, научившихъ нашихъ казаковъ формовать и обжигать кирпичъ и класть стѣны. Въ то же время были получены, разными путями, сочувственные письма отъ китайцевъ разныхъ народностей, покоровшихся таранчамъ и обращенныхъ ими въ рабство. Въ этихъ письмахъ выражалась благодарность китайцевъ за радушный пріемъ, оказанный ихъ родственникамъ, и надежды на то, что, извѣстясь о несчастіи своихъ двухвѣковыхъ сосѣдей, Государь Императоръ прикажетъ прогнать ненавистныхъ таранчей и освободить томящихся въ неволѣ (*).

Съ своей стороны таранчи сначала требовали удаленія съ границы нашихъ отрядовъ (Борохудзирскаго и Чунджинскаго). Увидя, что дипломатическія сношенія безсильны, они послали противъ Борохудзирскаго отряда, по слухамъ, нѣсколько тысячъ человекъ. Передовой отрядъ ихъ, силою около 700 человекъ, былъ прогнанъ 25-ю стрѣлками, и дѣло кончилось сильнымъ и дружнымъ крикомъ таранчей. Затѣмъ торговля, дипломатическія и военныя сношенія прекратились съ этой стороны; вся граница замерла и о томъ, что по ту сторону границы есть люди, можно судить только по барантамъ (набѣгамъ), случающимся между нашими и въ сосѣднихъ степяхъ кочующими киргизами. По-неволѣ стали мы, семирѣченцы, задумываться надъ будущностію сосѣднихъ странъ и торговли съ ними, такъ какъ съ нею связано процвѣтаніе и развитіе Семирѣчья.

Хотя вопросы эти, быть можетъ, и не очень занимательны для далекаго Петербурга, но въ самомъ Семирѣчьи, заинтересо-

(*) Замѣчательна вычурность этихъ писемъ и бумагъ, писанныхъ эмигрантами и ихъ соплеменниками. Такъ, прошеніе, поданное генераль-губернатору, начиналось словами: «Сильному какъ левъ и храброму какъ леопардъ и т. д. генералу и проч.

(**) Кульджинскій консулъ съ началомъ безпорядковъ перѣхалъ въ Вѣрное.

ванномъ въ дѣлѣ, вопросы эти возбудили самыя разнообразныя толки. Одни, подъ вліяніемъ начальныхъ успѣховъ инсургентовъ и преувеличенныхъ разсказовъ сартовъ, говорили и писали о создающемъ могометанскомъ-тунганскомъ государствѣ, долженствовавшемъ соединить въ одно цѣлое Илійскую провинцію, Кашгаръ и чань-суйскихъ тунганъ, обнявъ такимъ образомъ нашъ туркестанскій край съ востока и юга; между тѣмъ какъ съ юго-запада и запада его охватываютъ Коканъ, Бухара и Хива. Въ счастію юнаго дѣтища Россіи, подобныя мусульманскія объясненія оказываются несбыточными: тунгане, оттолкнувъ отъ себя Якуба и Кульджу, все болѣе и болѣе раздробляются на враждебныя партіи; Кульджа спитъ, Коканъ трепещетъ, Бухара идетъ на мировую, Хива — лукавитъ, Якубъ-бекъ пока рѣжетъ и вѣшаетъ своихъ подданныхъ, мечтая о томъ времени, когда онъ «съ дозволенія русскаго царя возьметъ подъ свое покровительство весь Китай» (**).

Другіе, изъ факта увода илійцевъ въ Улясутай, заключали, что борьба съ европейцами, тайпингами и тунганями совершенно уничтожила силы манджурскаго правительства; что, убѣдясь изъ вѣковаго опыта въ томъ, что далекою Илійскою провинціею, окруженною и отчасти населенною безпокойными сартами, управлять трудно, манджуры рѣшились предоставить эту страну собственной участи.

Наконецъ, третьи, болѣе знакомые съ исторіей Китая, замѣчаютъ, что Китай всегда отличался медленностію и осторожностію въ своихъ дѣйствіяхъ и избѣгалъ войны всюду, гдѣ дѣло могло быть покончено переговорами и всевозможными уступками. Такъ покончено дѣло съ чансуйскими тунганями и отчасти съ тайпингами, и также *было бы* покончено дѣло съ европейцами, если бы эти «вѣчно торопящіеся земноводные» не подступили къ самому Пекину. Войска здѣсь были собраны только для острастки, для содѣйствія при переговорахъ съ «рыжими бунтовщиками», какъ дипломатическое орудіе, — чему могутъ служить доказательствомъ артистически нарисованныя изображенія пушекъ, воиновъ и чудовищъ, которыя ни въ какомъ случаѣ не могли принимать участія въ бою. — Грубые европейцы не поняли всей изысканности, утонченности китайской дипломатіи и это недоразумѣніе повело къ кровопролитію. Могъ ли образованный Китай предвидѣть такое варварство?

Въ илійской провинціи китайцы имѣютъ дѣло съ народомъ, пользовавшимся цѣлое тысячелѣтіе благотѣльнымъ вліяніемъ китайскаго сожителства. Здѣсь противники другъ друга давно знаютъ, и дѣло здѣсь должно покончиться, какъ всегда кончалось — къ вящей славѣ великаго Цина (китайскаго императора тожъ).

(**) Собственныя слова, сказанныя Якубъ-бекомъ М. А. Хлудову.

и проч. Тутъ же люди ознакомлены были съ вязкою фашинъ, съ плетениемъ туровъ и проч. Кромѣ того саперною командою устроена горизонтно-углубленная батарея (къ устройству которой приступлено было во время самыхъ маневровъ); приспособленъ къ оборонѣ старый полуразвалившійся валъ и проложена дорога на нѣсколько сажень. Жаль только, что неопредѣленность отношеній войскъ къ гражданскимъ властямъ и къ земству относительно содѣйствія ихъ къ доставленію возможныхъ средствъ войскамъ по обученію послѣднихъ саперному дѣлу, не дозволила выполнить многихъ поучительныхъ и интересныхъ предположеній по части фортификаціонныхъ упражненій: такъ, ни приведеніе въ оборонительное положеніе лѣсовъ, деревень, отдѣльных строевѣй, ни устройство мостовъ, гатей и т. п., ни порча существующихъ дорогъ и проч. не могло быть исполнено главнымъ образомъ по вышесказанной причинѣ, а отчасти и по недостатку денежныхъ средствъ.

По осмотру саперныхъ работъ командующимъ дивизіей и офицеромъ, командированнымъ отъ инженернаго вѣдомства, онѣ найдены въ такой степени удовлетворительными, что, какъ сказано въ отчетѣ, «остается только желать, чтобы приобрѣтенныя свѣдѣнія и знанія не были забыты, а употребленныя труды не пропали даромъ.»

Не лишнимъ также будетъ здѣсь замѣтить, что въ виду вниманія къ нуждамъ солдата и во имя справедливаго возмездія и необходимаго поощренія большаго труда людей саперной команды, сравнительно съ обыкновенною лагерною службою ихъ товарищей, было бы желательнымъ: опредѣлить хотя незначительный отпускъ денегъ на руки въ видѣ награды за усердіе и для покрытія издержекъ на изношенную обувь и одежду, сильно портящихся отъ усиленныхъ работъ.

Съ молодыми офицерами занятія производились во всемъ согласно съ приказомъ военнаго министра 1865 года № 379. на сколько позволяло время присутствія въ лагерѣ офицера генеральнаго штаба.

Нельзя не пожалѣть, что занятія эти въ нынѣшнее лѣто далеко не имѣли тѣхъ размѣровъ и развитія, какія были имъ приданы въ прошломъ году; полагаю не лишнимъ изложить здѣсь то, что исполнялось въ прошедшее лѣто въ лагерѣ подъ Тарастусомъ по части обученія и занятія молодыхъ офицеровъ.

Занятія съ молодыми офицерами велись по той же системѣ, какая принята была для всѣхъ занятій вообще, то-есть начиная съ наименѣе простыхъ и наименѣе продолжительныхъ, постепенно переходить къ болѣе труднымъ и болѣе сложнымъ; причемъ имѣлось въ виду, къ концу лагеря соединять всѣ различные отдѣлы занятій въ какія-либо общія

предпріятія въ родѣ болѣе или менѣе продолжительнаго маневра всему отряду войскъ (бывшихъ въ томъ же составѣ, какъ и въ нынѣшнемъ году), или въ родѣ болѣе или менѣе дальняго похода, или въ родѣ просто общаго бивуака, обезпеченнаго всѣми мѣрами предосторожности, принимаемыми въ военное время, и т. под. Конечно, большой двухсторонній маневръ всему отряду, въ продолженіе нѣсколькихъ сутокъ, лучше всего далъ бы возможность соединить всѣ отдѣльные случаи расположенія, движенія и дѣйствій войскъ во время войны, равно какъ и выполненіе разнообразныхъ обязанностей, возлагаемыхъ на офицеровъ.

Молодымъ офицерамъ, каждому отдѣльно, предложено было снять небольшой участокъ (около квадратной версты) въ большомъ масштабѣ (100 сажень въ дюймѣ) глазомѣрной съемкою при помощи буссоли, въ неограниченное время, на приготовленный заранее планшетъ, приложивъ краткія топографическія записки въ своимъ кроки; кроки эти предназначались для врученія начальникамъ передовыхъ постовъ, начальникамъ небольшихъ отрядовъ и проч. при соответственныхъ занятіяхъ войскъ, какъ пособія и средства къ лучшему ознакомленію съ мѣстностью. По повѣркѣ вмѣстѣ съ каждымъ офицеромъ снятаго имъ плана и по удостовѣреніи въ достаточномъ умѣньѣ производить самостоятельную съемку, назначено было занять офицеровъ маршрутною съемкою въ масштабѣ одной версты въ дюймѣ; эти кроки были пригодны для начальниковъ разъѣздовъ или патрулей для начальниковъ головныхъ, боковыхъ и тыльных отрядовъ и т. под. Далѣе предназначалось — во время маневровъ или даже самаго боя поручать офицерамъ наскоро снимать на планъ данное пространство въ ограниченное уже время (нѣсколько часовъ) и, наконецъ, наскоро чертить кроки въ данное время и безъ буссоли.

Присутствуя на малыхъ маневрахъ, частію въ качествѣ участниковъ, частію въ качествѣ свидѣтелей, молодые офицеры должны были составлять описанія происходившихъ столкновеній, расположеній и всего хода дѣйствій. Описанія эти сначала придавался характеръ не столько критическій, сколько описательный; впоследствии же имѣлось въ виду предоставить офицерамъ относиться критически къ дѣйствіямъ войскъ, доставивъ имъ предварительно средства болѣе вѣрно и правильно судить, къ чему вело, какъ разборъ на мѣстѣ удачъ и неудачъ сражавшихся, такъ и нѣсколько скія и политическія причины, задержавшія развитіе нашей промышленности и обусловившія позднее появленіе нашихъ товаровъ на міровомъ рынкѣ, не позволяютъ намъ соперничать съ другими народами Европы и Америки, на рынкахъ близкихъ къ морскимъ берегамъ. Съ другой стороны, тѣ же географическія причины отдають нашей торговлѣ и промышленности рынки Средней Азіи, недоступные торговымъ фло-

мъ Европы и Америки.... Но можемъ-ли мы пользоваться этими рынками при настоящихъ обстоятельствахъ?.....

Англійскій учепый, Дугласъ Форситъ (М-г Т. Douglas Forsyth), въ спичѣ, произнесенномъ имъ въ Экзетерѣ, говорить, что индостанскіе купцы, отправившіе въ 1866 году чай въ Яркендъ, выручили до 200% на нихъ, не смотря на то, что «дорога отъ Лега (Leh), главнаго города Ладака (Ladak), къ Яркенду пролегаетъ чрезъ перевалы въ 19,000 футовъ высоты, лишенные всякой растительности, такъ что въ продолженіе пяти или шести сутокъ караваны слѣдуютъ безъ подножнаго корма и топлива и теряютъ до 20% своихъ выючныхъ животныхъ.» Далѣе г. Форситъ говорить, что торговля Индіи съ Яркендомъ ничтожна, въ сравненіи съ ея-торговлею съ Бухарою: «чрезъ Пешаверь и Авганистанъ, въ Бухару, въ одинъ мѣсяць провезено чаю, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, болѣе чѣмъ на 180,000 фунтовъ стерлинговъ....», о другихъ товарахъ г. Форситъ не говоритъ, хотя ихъ также можно встрѣтить и въ Коканѣ, и въ бухарскихъ городахъ.

Никто, конечно, не станетъ сомнѣваться въ томъ, что и до появленія англійскихъ чаевъ, средне-азіятцы пили чай, — но доставлялся онъ другими путями и другими руками: шелъ онъ по кратчайшему вѣковому пути, чрезъ Баркюль, Урумци, Кульджу и Ташкентъ, оживляя страну и базары, и требуя за себя другихъ произведеній, развивая промышленность страны.

В. Гейеръ.

14-го сентября.

ченный капиталъ съ излишкомъ.

Земельныя работы по прорытію канала для орошенія 45 тыс. дес. въ Голодной Степи, послѣ утвержденія торговъ за инженеромъ г. Шаккомъ, будутъ вестись артелью мелкими частями. Инженеръ Шаккъ намѣренъ пригласить къ землянымъ работамъ большинство *безработныхъ рабочихъ* бывшихъ служащихъ на Средне-Азіатской жел. дор. Это было бы очень хорошо. Безработные могли бы кое что заработать; они были бы очень благодарны новому подрядчику, хотя условія жизни въ Голодной Степи, гораздо тяжелѣе чѣмъ въ г. Ташкентѣ. Наученные горкимъ опытомъ безработицы, рабочие едва ли уже рѣшатся повторить вѣвую *исторію съ мышкомъ*, въ видѣ той, какая была съ г. Шпаковскимъ. Да со стороны подрядчика и не въ интересахъ дѣла относиться къ рабочимъ какъ нибудь худо и грубо...

Въ *Ассакинскомъ* хлопковомъ районѣ, условія роста хлопчатника—весьма благоприятны въ настоящее время. Начинаютъ 2-ю окучку. ростъ хлопка мѣстами 6-7 вершковъ. Воды для орошенія полей достаточно. Погода стоитъ жаркая. Пшеницу на поливныхъ поляхъ убираютъ; урожай ея хорошій, другіе хлѣба и злаки также въ хорошемъ состояніи и обѣщаютъ урожай, лучше прошлогодняго.

ТАРАНЧИ.

Обширная территория Семирѣченской области, занимающая площадь

въ 8 тысячъ кв. миль, заселена 1 миллиономъ 60 тысячами жителей*), въ составъ которыхъ входятъ народности весьма интересныя для этнографа, причемъ „Таранчи“ и „Дунгане“ заслуживаютъ особеннаго вниманія.

Мы остановимся пока на таранчинцахъ, народности наиболее людной, чѣмъ дунгане.

По численности своей 60 тысячъ, таранчинцы занимаютъ 3 мѣсто въ области; они помимо отведенныхъ имъ 6 волостей, ютятся возлѣ всякаго люднаго пункта будь то городъ, село или заводъ—безразлично.

Причина такого „вездѣсущія“ таранчинца кроется въ чрезвычайномъ переполненіи людьми ихъ волостей и удивительной способности этого народца быть вездѣ и всюду необходимымъ русскому человеку.

Въ Семирѣчьи таранчинецъ играетъ такую же роль, какъ въ остальномъ Туркестанѣ киргизъ или сартъ—пожалуй даже еще болѣе.

Таранчинскія волости расположены только въ двухъ уѣздахъ Семирѣченской области—Ерненскомъ и Джаркентскомъ, по три въ каждомъ.

Насколько велика въ нихъ скученность, показываютъ цифровыя данныя. Такъ, на примѣръ, Корамская и Джаркентская волости насчитываютъ каждая по 14 тысячъ жителей, самая меньшая изъ волостей имѣетъ болѣе чѣмъ 6 тысячъ населенія. Отдѣльныя села часто бываютъ населены 3, 4 и 5 тыся-

*) Свѣдѣнія 1903 года × вѣроятный приростъ населенія за 3 года. Авторъ.

чами жителей.

Въ Семирѣчьѣ таранчи весьма недавніе пришельцы, Тѣмъ не менѣе, они выглядятъ, какъ коренные насельники, въ полной мѣрѣ оправдывая носимое ими наименованіе „таранчи“, означающее въ дословномъ переводѣ „пахарь“. Колыбелью своихъ отцовъ таранчи считаютъ восточный Туркестанъ. Китайское правительство подъ властью котораго они находились, воспользовалось ими какъ прекрасными земледѣльцами и заселило всю принадлежащую Китаю часть Илійской равнины, стремясь подобной мѣрой упрочить обладаніе западной окраиной своей имперіи.

Въ 1762 году на рѣкѣ Или былъ основанъ городъ, Нинъ-чюанъ-ченъ, иначе Кульджа.

Это насиліе надъ интересами цѣлой націи, естественно должно было вызвать чувство ненависти и вражды таранчинцевъ къ Китаю. Однако, наружно они ничѣмъ на первыхъ порахъ этого не проявили, рѣшивъ въ глубинѣ души жестоко, при случаѣ, за все отомстить своимъ поработителямъ.

Знаменитое дунганское возстаніе, вспыхнувшее въ 1860 году послужило прекраснымъ моментомъ для приведенія въ исполненіе давно лелѣянной менты.

Неудачи китайцевъ въ подавленіи мятежа еще болѣе способствовали отпаденію ихъ отъ Китая и заключенію тѣснаго союза съ побѣдоносными инсургентами, что было въ интересахъ обѣихъ сторонъ.

Но какъ только таранчинцы почувствовали себя достаточно сильными для самостоятельной дѣятельности, они тотчасъ разорвали со-

юзъ съ дунганами и, въ битвѣ при Баяндаѣ, на голову разбили своихъ недавнихъ друзей.

Сдѣлавшись т. об. независимыми ни отъ кого, таранчинцы основываютъ Кульджинское султанство.

Это ханство, создавшееся случайно въ эпоху междуусобной кровавой вражды двухъ элементовъ Китая: языческаго (китайцы) и магометанскаго (дунгане), могло существовать только при исключительныхъ условіяхъ и для дальнѣйшаго своего бытія они нуждались въ чьей-нибудь политической поддержкѣ; между тѣмъ, обстоятельства для таранчинцевъ стали складываться далеко неблагоприятно. Съ одной стороны Лихунъ-Чангъ, китайскій полководецъ, въ послѣдствіе знаменитый дипломатъ, рядомъ битвъ разбиваетъ дунганскія банды своими обученными по европейски войсками, съ другой — на нихъ грозитъ ежеминутно подвигнуться свирѣпый Якубъ-бекъ, покорившій Турфанъ и Яркендъ и сплотившій въ Джиттышарѣ могущественное магометанское государство.

Чтобы спасти себя отъ двухъ почти одновременно надвигавшихся грозъ, таранчи въ 1871 году добровольно приняли подданство Россіи.

Но послѣдняя, въ силу существовавшихъ съ Китаемъ договоровъ, какъ только былъ положенъ конецъ междуусобной войнѣ, возвратила Кульджу китайцамъ въ 1881 г.

Не дожидаясь расправы китайцевъ, таранчи и дунгане кинулись въ наши предѣлы и, терпя неопикуемые лишенія осенью 1881 года, стали переходить нашу границу.

Это переселение, правильнѣи сказать, полное ужаса бѣгство, длилось до 1883 года. Мѣстное населеніе смотрѣло на массовое вторженіе неслишкомъ сочувственными глазами и, при случаѣ, не пренебрегало ничѣмъ, чтобы избавиться отъ незванныхъ гостей. Первоначально и власти чувствовали себя растерянно, но, съ полученіемъ надлежащихъ инструкцій, бѣглецы были водворены частью на уступленной Китаемъ территоріи, лежащей на западѣ Хорюса, затѣмъ въ бассейнахъ рѣкъ Талгара, Тургеня, Чилики, Каракунулъ Сукулукъ и Ирѣчкѣ. Таранчинцамъ, при этомъ, пришлось занять земли Вѣрненскаго и Джаркентскаго уѣздовъ, а дунганамъ Пржевальскаго, Пишпекскаго и самый г. Джаркентъ. Имъ было отведено, приблизительно, около 240 тысячъ, въ общей сложности, десятинъ земли, изъ которой удобной было 200 тысячъ съ небольшимъ. Численность переселенцевъ достигала 50 тысячъ, распределяясь слѣдующимъ образомъ; дунганъ 10 тысячъ и 40 тысячъ таранчинцевъ. Какъ и при китайскомъ владычествѣ, который предоставлялъ имъ самоуправленіе, имъ оставлено было право руководства шаріатомъ въ той формѣ, какая сложилась у таранчинцевъ народными обычаями и вліяніемъ Китая. Народный судъ таранчинцевъ въ мелочныхъ деталяхъ только рознится отъ суда біевъ Казіи ихъ какъ и сартовскіе не могутъ похвастать высокою нравственныхъ устоевъ, неподкупностью и нелицепріятіемъ.

Русское правительство даровавъ

имъ права гражданъ, наравнѣ съ прочимъ туземнымъ населеніемъ, въ отношеніи отбыванія воинской повинности дало только пятилѣтнюю льготу, которая впрочемъ по случаю землетрясеній Бѣловодскаго въ 1885 году весною и Вѣрненскаго въ 1887 значительно была продолжена. Въ данное время, таранчинцы и дунгане давно уже несутъ ее, но отбывать рекрутчину имъ предоставлено въ предѣлахъ области, дабы они легче свыклись съ главнѣйшею обязанностью каждаго гражданина въ имперіи. Какъ солдаты—они прекрасный и толковый народъ пользующійся симпатіями начальства и соратниковъ изъ другихъ національностей. Понятіе о долгѣ присягѣ у нихъ очень высоко. Позволю себѣ воспользоваться слѣдующимъ рассказомъ одного русскаго солдата, какъ иллюстраціей исполнительности и прямого толкованія текста присяги таранчинцемъ. Буду говорить отъ себя. На часахъ стоялъ таранчинецъ солдатъ у денежнаго, кажется, ящика или чего-то подобнаго. Ночью, часовъ въ 9, чья то дѣвочка стала приближаться къ часовому, тотъ, окликнувъ ее два или три раза и, предупредивъ, что будетъ стрѣлять если она не уйдетъ, выстрѣлилъ въ упоръ почти шестилѣтнему ребенку, очевидно непонявшему его требованій, выраженныхъ, вдобавокъ ломаннымъ языкомъ.

Часовой же, видѣвшій, что опасность не должна быть отъ шестилѣтней дѣвочки, тѣмъ не менѣе, не осмѣлился нарушить дословнаго текста инструкцій часового. Съ мо-

мента первоначальнаго дооровольнаго подчиненія таранчинцевъ Россіи, прошло почти тридцать пять лѣтъ и они успѣли вполне акклиматизироваться на русской почвѣ, но и теперь, при видѣ китайца мрачнымъ огонькомъ загораются его глаза — время, видно, только усилило въ таранчинцѣ чувство ненависти къ былымъ угнетателямъ. Это весьма важный для насъ фактъ, на который можетъ быть историческія обстоятельства и заставятъ насъ опереться, на протяженіи почти 1500 верстной пограничной линіи Семирѣчья съ Китайскою имперіею.

Хотя мы и мирно живемъ съ Китаемъ, но въ сосѣдскихъ отношеніяхъ всегда нужно предвидить могущій случиться каждую минуту разрывъ сношеній.

Таково въ сжатыхъ чертахъ прошедшее таранчинца. Много было недоговорено, многое пропущено, отчасти по отсутствію интереса, отчасти потому, что нашъ отчетъ не есть детальная разработка исторіи этого народа и, самое главное, потому, что таранчинецъ насъ гораздо болѣе интересуется въ настоящемъ чѣмъ во времена, задернутыя отъ насъ темной завѣсой давности, откуда мы почерпнули лишь главнѣйшіе моменты его существованія. Тѣ, кто м. б. никогда не видѣлъ таранчинца, будетъ интересоваться его наружностью. Ничѣмъ выдающимся, бросающимся въ глаза, они не отмѣчены. Въ большинствѣ случаевъ, это люди средняго роста. Малорослыхъ значительно больше, чѣмъ высокихъ. По одѣянію и чертамъ

лица это тѣже сарты, хотя иногда они бываютъ типомъ и близки къ калмыкамъ или дунганамъ — смотря по количеству текущей въ ихъ жилахъ крови этихъ народностей. Костюмъ тождественъ съ сартовскимъ; тѣ-же халаты, тюбетейки, рубахи. широкіе штаны, сапоги съ четверными каблуками или ичиги съ калошами. Языкъ родственъ нарѣчію кашгарцевъ съ примѣсью китайскихъ словъ и нѣкоторой манеры, на китайскій ладъ, выговаривать носовые и гортанные звуки. Ему свойственна нѣкоторая пріятность и пѣвучесть.

Въ общежитіи таранчи смѣшлены, находчивы и умны, необыкновенно трудолюбивы и настойчивы въ своихъ начинаніяхъ.

Это они блестяще доказали, при прорытіи оросительныхъ каналовъ въ отведенныхъ имъ земляхъ изъ рѣки Чу и возобновленіи старыхъ. Русскимъ колонистамъ подобная задача показалась-бы невыполнимой. Грамотность, даже на родномъ языкѣ, нельзя сказать, чтобы была распространена между ними и богатствомъ литературы похвастать они не могутъ. Какъ у всѣхъ восточныхъ народовъ она наиболѣе выражается изустно; сказками, баснями, притчами, пословицами и поговорками, словомъ въ этомъ отношеніи, таранчи стоятъ на первобытной еще ступени развитія.

Школы такъ-же какъ и у сартовъ при мечетяхъ, обучаютъ муллы. Методъ обученія дѣтей грамотѣ тотъ же умерщвляющій все живое въ дитятѣ. Какъ народъ исключительно земледѣльческій, таранчи не могутъ похвастать развитіемъ въ средѣ

своей кустарныхъ промысловъ. Изъ ремеслъ наиболѣе развиты сапожное и портняжное.

Они великолѣпные землекопы, штукатуры и кирпичники. Ихъ работа чрезвычайно дешева и безупречна. Тѣмъ болѣе пріятно вести съ ними дѣла, что не приходится заключать никакихъ договоровъ. Словомъ своимъ таранчинецъ дорожить болѣе всего на свѣтѣ. Любознательность и подвижность ихъ отличительныя качества. Гостепріимство — черта присущая всѣмъ народамъ Востока, поэтому въ таранчинцѣ она не кажется индивидуальною.

По вѣроисповѣданію таранчи магометане, но безъ фанатическихъ крайностей, хотя всевозможныя суевѣрія, гаданія, примѣты, нашептыванія, заговоры въ большемъ ходу. Знахарство имѣетъ, пожалуй, большее значеніе чѣмъ медицина.

Въ исполненіи религіозныхъ обязанностей они мало чѣмъ отличаются отъ сартовъ, главнѣйшіе же кодексы магометанства остаются безъ всякаго измѣненія. Рамазанъ, джумма, обрѣзаніе, запрещеніе употребленія свинины, спиртныхъ напитковъ, намазы — чтутся свято, но безъ фанатизма.

Калымъ, поминки также обязательны, какъ и у сартовъ. Многоженство, допускаемое закономъ, тѣмъ не менѣе, не въ ходу; оно даже глубоко порицается. Жены таранчинцевъ, миловидны, стройны — всѣ брюнетки. Онѣ пользуются полной свободой и не заточены, подобно своимъ подругамъ сартянкамъ, въ душныхъ гаремахъ.

Одѣяніе ихъ похоже на костюмъ

сартянки. Оно состоитъ изъ широкой блузы и поверхъ ея нарядные камзолы. Дѣвушки носятъ украшенныя султаномъ шапочки, зачастую обшитыя бисеромъ, мелкой монетой и т. п. Паранджи и чадра отсутствуютъ. Волоса заплетаются въ нѣсколько косъ, на которыя навѣшиваются наши руб-

ли или даже „тилпи“.

Дѣвушки и женщины любятъ красить брови, зубы и ногти черною краскою, носить амулеты, кольца и браслеты. Въ домашнемъ быту это не лѣнныя неподвижныя сартянки, а хлопотливыя хозяйки незапѣшливаго на взглядъ, но сложнаго хозяйства.

Таранчинскія села, на первый взглядъ, мало чѣмъ отличаются отъ мѣстныхъ туземныхъ построекъ.

Ихъ жилища также находятся внутри дворовъ или выходятъ на улицу глухими стѣнами. Болѣе внимательное изученіе ихъ, открываетъ массу существенной розницы въ способахъ и приемахъ таранчинской архитектуры. Помѣщенія ихъ или глинобитны или сдѣланы изъ коббковъ.

Таранчинецъ средней зажиточности устраиваетъ для себя двѣ, три комнаты, тутъ же подлѣ обязательно дѣлаетъ коровникъ съ приспособленіями для стока мочи животныхъ во дворъ. Чистота поддерживается безупречная, какъ въ хлѣвѣ, такъ и во дворѣ. Самымъ замѣчательнымъ въ постройкѣ всего жалья являются таранчинскіе очаги для отопленія жилья и хлѣва и полы, устраиваемые особымъ способомъ.

Таранчинецъ не выстилаетъ двора ни кирпичемъ, ни камнемъ, а накатываетъ его наподобіе тока, для молотбы зерновыхъ злаковъ.

Дѣлается это скоро и просто. Извѣстная площадь насыщается водой, затѣмъ засыпается мелкой соломой и утрамбовывается чурбаномъ. Полъ получается какъ бы цементированный, не боящійся никакихъ

дождей, не дающій ни одной пылинки. Тѣмъ болѣе онъ проченъ въ жильѣ подъ крышей. Очаги въ таранчинскихъ жильяхъ — это родъ каминовъ, устроенныхъ съ поддуваломъ. Дымовая труба проходя по стѣнѣ спускается обратно внизъ и по полу двумя или тремя колѣнами поднимается вверхъ выходя съ противоположной стороны. Тяга, такимъ образомъ, получается при отопленіи страшной силы и полъ, нагрѣтый во время топки, закрытый циновками и кошмами долго способенъ сохранять теплоту. Въ 30° морозы, вообще зимою также отапливаются и скотныя помѣщенія, особенно въ пору ранняго ягненія барановъ.

Побѣлка у таранчинцевъ не въ модѣ, равно какъ и обиліе свѣта. Окна малы, тусклы, нерѣдко затянуты бычьимъ пузыремъ или полупрозрачною бумагой.

Таранчинецъ бережливъ и аккуратенъ — привычки выработанныя серьезнымъ отношеніемъ къ благородной профессіи земледѣльца. Его хозяйство не можетъ, конечно, быть названо культурнымъ но, безусловно, оно не зиждется на хищныхъ основахъ, какъ у нашего крестьянина. Таранчинецъ въ фундаментъ

своего хозяйства вкладываетъ любовь и неусыпный трудъ личный, а не наемный. Гдѣ не хватаетъ у него познаній теоретическихъ, тамъ приходятъ на помощь и затраченная энергія и добросовѣстность исполненія своихъ обязанностей къ землѣ. Нашъ же крестьянинъ не привыкъ себя считать обязаннымъ что-либо дѣлать для земли, Истощивъ ея производительныя силы, онъ бросаетъ землю и ищетъ новую, повторяя затѣмъ то же самое. Плодородіе земель Семирѣченской области въ русскихъ селахъ быстрыми шагами приближается къ концу, у таранчинцевъ же на оборотъ увеличивается. Русское населеніе замѣтно стало бѣднѣть чего не замѣчается въ таранчицахъ и дунганахъ.

Мѣстами таранчи буквально можно сказать, побѣждаютъ природу. Такъ, на примѣръ, отъ селенія Зайцевскаго въ Бѣрненскомъ уѣздѣ верстахъ въ 5 или 7 раскинулось громадное таранчинское селеніе „Корамо“. Посѣщая Зайцевское село приходилось видѣть бѣлыя поля такихъ солончаковъ, на которыхъ казалось, не могла произрости никакая былинка. Нѣкій таранчинецъ три года возилъ верстъ за 15 на подобнаго качества свой участокъ, бросаемый крестьянами, излишекъ назема, негоднаго на выработку кизека, а сынъ его, въ это время, копалъ и тоже возилъ глину съ неменьшаго разстоянія. Многочисленное населеніе на этомъ мѣстѣ въ послѣдствіе прекрасный виноградникъ. Приведенный случай настойчивости можетъ служить примѣромъ

чрезвычайной любви таранчинцевъ къ землѣ. Таранчи не имѣютъ узкой специальности землепашца, Они въ равной степени преданы садоводству и огородничеству, достигая въ этихъ отрасляхъ поразительныхъ результатовъ.

Въ дѣлѣ плодоводства они въ Семирѣчѣ далеко опередили и превзошли русскихъ крестьянъ. Возьмемъ городъ Вѣрный и его окрестности. Лучшія земли, безспорно принадлежатъ русскому населенію. Расположенные ближе къ горамъ онѣ наиболѣе гарантированы отъ рѣзкихъ колебаній температуры. Персикъ, виноградъ, нектаринъ могли бы при желаніи прекрасно культивироваться русскими, чего нигдѣ вы не встрѣтите, тогда какъ въ селахъ Манатъ, Коримъ и всѣхъ прочихъ, уже не говоря про Джаркентъ, таранчинцы имѣютъ чудные нектарины, весьма сочный виноградъ и вполне удовлетворительные персики. Сколько труда и заботъ вкладываютъ они для получения такихъ результатовъ — рѣчь иная, принимая во вниманіе болѣе скверныя почвенныя и климатическія условія.

Скотоводствомъ таранчинцы не занимаются, имѣя скотъ только лишь для своихъ хозяйственныхъ нуждъ, тогда какъ птицеводство развито въ значительной степени. Оно у нихъ имѣетъ промышленный характеръ. Должно отмѣтить, съ 1895 года въ Семирѣчѣ свирѣпствуетъ птичья холера, уносящая въ деревняхъ и городахъ куръ, гусей, утокъ множеств. иногда поголовно. Этотъ бичъ, переходя изъ села въ село, забирается даже въ Лепсин-

скій уѣздъ и не встрѣчаетъ въ русскихъ селахъ никакой борьбы. Эпидемія стихаетъ иногда только для того, чтобы съ большею силою проявиться вновь.

Крестьяне относятся совершенно безучастно и, главнымъ образомъ, сами виноваты во всемъ крайнею нечистоплотностью не только курятныхъ насѣстей, но и собственныхъ жилищъ.

Казалось бы птица должна была имѣть большую цѣну въ опустошенной моромъ области, между тѣмъ, стоимость курицы не превышаетъ цѣны въ 15 коп., а сотня яицъ доходитъ до 30—35 копѣекъ. Этимъ мы обязаны всецѣло таранчинцамъ, упорно борющимся съ эпизоотіей птицы, даже, иногда, совершенно недопускающихъ заразы въ свои поселки. Заботъ о здоровьѣ птицы они не жалѣютъ и дѣлаютъ все отъ нихъ зависящее, чтобы предоставить птицѣ необходимый ей комфортъ и удобство. Такъ, свои задворки таранчинцы засѣиваютъ коноплей, гдѣ въ зной птица прячется отъ солнца, тутъ же цыплята укрываются отъ пернатыхъ хищниковъ. Благодаря же коноплянникамъ птица не лѣзетъ въ огороды и цвѣтники хлопотливой таранчинки.

Характерны способы искусственной выводки птицъ. Инкубаторовъ, дорого стоящихъ и нельзя сказать, чтобы вполне совершенныхъ, таранчинцы не имѣютъ.

Обыкновенный конскій пометъ замѣняетъ имъ эти сложные изобрѣтенія. Тщательно собирая конскій пометъ, таранчинцы, дважды утилизируютъ его, первый разъ дѣлая изъ него искусственныя гнѣз-

да, куда кладутся яйца куръ, утокъ, гусей и индюшекъ. Термометромъ олужить рука, привыкшая безошибочно опредѣлять степень сообщаемого наземомъ тепла положеннымъ въ него яйцамъ.

Успѣшность выводки поразительная. Куры таранчинцевъ мелки ростомъ, но яйценосность ихъ огромная: отъ 160 яицъ до 190 и даже 200 въ годъ даетъ каждая курица и, въ то время, когда куры русскаго крестьянина мерзнутъ отъ холодовъ, у таранчинца уже давно выведены цыплята, предметъ заботъ всей его семьи.

Птицеводство составляетъ видный доходъ его хозяйства.

Вообще, таранчинецъ не гнушается ничѣмъ что можетъ принести доходъ его семьѣ или быть подспорьемъ въ хозяйствѣ. Замѣтивъ повышение спроса на хорошіе сорта табаку и, приглядѣвшись къ уходу за этимъ дорогимъ растеніемъ, онъ сталъ за послѣднее время, засаживать табакомъ свои участки, сбывая выгодно продукты крупнымъ плантаторамъ. Русскіе крестьяне и казаки этимъ пренебрегаютъ. Въ Джаркентѣ и Пишпекѣ таранчинцы пользуясь возможностью занимаются рисомъ и хлопкомъ, гдѣ можно заняться шелководствомъ они и тутъ проявляютъ свою энергію и предприимчивость. Безземельные таранчинцы, пріютясь, возлѣ городовъ и сель, захватили всю торговлю зеленью, тряпьемъ, случайными вещами и становятся серьезными конкурентами дунганъ въ эксплуатаціи извознаго промысла. Ихъ лошади такъ-же хороши, какъ и у

дунганъ и отличаются прекраснымъ тяжеловознымъ аллюромъ-ходой. Въ Вѣрномъ они „арбакешничаютъ“ т. е. возятъ по городу клади и пассажировъ на русскихъ телѣгахъ за цѣну 5 коп. конецъ иногда въ 3, 4 версты.

Въ своихъ селахъ у нихъ не въ модѣ русская телѣга, и существуетъ свой національный экипажъ, представляющій ящикъ укрѣпленный на оси двухъ довольно высокихъ колесъ: запрягается онъ безъ дуги, наподобіе арбы.

Какъ ямщики—таранчи неоцѣнимые въ дорогѣ люди. Говорятъ они по русски прекрасно, если случилось хотя недолго пожить возлѣ русскаго населенія. Ихъ дѣти въ школѣ желанный народъ; они опрятны, усердны, толковы и памятливы. Несмотря на всю неудовлетворенность постановки школьнаго дѣла—таранчинцы выносятъ болѣе изъ школы, чѣмъ русскіе.

Я буду считать оконченнымъ свой очеркъ, отмѣтивъ въ таранчинцѣ чувство глубокаго расположенія къ оказавшимъ имъ гостепріимство и давшимъ убѣжище русскимъ, благодаря которымъ они впервые познали, что такое равенство и справедливость.

Надо полагать, что они, руководимые новыми началами жизни, создавшимися за послѣднее время далеко пойдутъ по пути прогресса и самосуществованія.

На насъ же русскихъ лежитъ нравственная обязанность быть руководителями духовнаго развитія этого симпатичнаго народца, Богомъ врученнаго нашему попечительству. А. Виноградскій.